

ГЛАВА 31

— Что-то здесь не так... всё не так... — Драко твердил это всё утро, нацепив на лицо выражение серьёзного маленького старичка.

— И что же именно? — поинтересовался я, небрежно намазывая масло на ломтик хлеба.

— Я про случай с троллем, — он придвинулся ближе, понизив голос до шепота, явно не желая быть услышанным лишними ушами.

В последнее время Драко всё чаще избегал общества Крэбба и Гойла. На моем фоне их непроходимая глупость стала раздражать его до зубовного скрежета. Впрочем, когда требовалось выполнить какую-нибудь грязную работу, он всё же не гнушался брать с собой этих исполнительных остолопов.

Я не слишком изящно закатил глаза к потолку:

— Столько времени прошло, и это всё, к чему ты пришёл? Весь завтрак из-за этого изводишься?

Погода сегодня выдалась чудесной, и зачарованный потолок сиял глубокой синевой. Драко бесцеремонно выхватил у меня хлеб, который я уже собирался отправить в рот.

— Я обдумывал это несколько дней. Хогвартс слывет таким же безопасным местом, как и Гринготс. Троль просто не мог пробраться сюда сам!

— Это и ежу понятно, — отозвался я.

Любой, у кого в голове имелось хоть немного серого вещества, давно догадался бы, что чудище в замок кто-то впустил. Однако по ряду причин почти никто не спешил развивать эту мысль. Я вернул себе бутерброд, откусил приличный кусок и, прожевав, спросил:

— Ты просил отца помочь с этим?

Зная его характер, я был уверен, что он первым делом побежит «жаловаться папе». К моему удивлению, Драко изменился в лице.

— Нет.

— Вот как? — я приподнял бровь.

— Отец очень занят, я решил разузнать всё сам. К тому же... не хочу волновать маму.

— Ого, Дракончик, да ты совсем вырос, — я потянулся было потрепать его по макушке, но он ловко увернулся, хлопнув меня по руке.

На самом деле Драко просто пытался не отставать от меня. Мы оба были первокурсниками, мне было одиннадцать лет, к тому же в его глазах я оставался «магглорожденным», но рядом со мной он чувствовал себя несмышлёным ребёнком, который ничего не знает и не умеет. Моё вечное спокойствие и уверенность в том, что всё под контролем, действовали на него раздражающе и притягательно одновременно. Инцидент с трехголовым псом и троллем лишь подчеркнул пропасть между нами, и в нём проснулось желание повзрослеть.

Такие вещи происходят сами собой. Пока ребёнок не научился стоять на собственных ногах, он невольно ищет опору. Родители далеко, сверстники ничем не лучше его самого, а профессорам он либо не доверяет, либо боится открыться. И тут появляюсь я — сосед по комнате, который кажется на голову выше остальных. Драко привык обращаться ко мне, зависеть от моих решений и следовать моим советам. Против этого нет лекарства: когда в твоём окружении появляется кто-то, способный решить любую проблему, ты неизбежно проникаешься к нему уважением и привязанностью.

— Ладно, забудь. В одиннадцать часов матч по квиддичу, ты же его целую вечность ждал? — я сделал глоток молока. Терпеть его не могу, но это всё же лучше, чем тыквенный сок.

Драко покосился на мой хлеб с толстым слоем масла:

— Поверить не могу, что ты поглощаешь столько калорий и не толстеешь. Куда это всё в тебя девается?

Квиддич, вне всяких сомнений, был тем самым спортом, который сводил с ума весь магический мир. Трибуны были забиты до отказа; многие прихватили с собой бинокли, чтобы не упустить ни единой детали. Если бы Драко не тащил меня за собой со всех ног, нам бы ни за что не достались такие козырные места.

— Слизерин побеждал восемь лет подряд! Неужели какой-то Поттер сможет переломить ход истории? — Драко пренебрежительно скривился, глядя на выходящих в красной форме гриффиндорцев. При виде транспаранта «Поттера в чемпионы!» его и вовсе перекосило.

Я плотнее закутался в шарф. Будь он неладен, этот квиддич! Какой безумец додумался проводить матчи на открытом воздухе в такую холодищу?

— Глупо отрицать, что ловец — ключевая фигура. Поимка снятча приносит сто пятьдесят очков

и мгновенно завершает игру, — я проследил взглядом за золотистой искрой, носившейся над полем. Скорость приличная, вполне сопоставима с моим мгновенным перемещением.

— Будь я ловцом, я бы схватил его раньше, чем Поттер успеет моргнуть, — не унимался Драко.
— У «Спасителя» вечно какие-то привилегии. Нарушать школьные правила для него — в порядке вещей.

Я тихо хмыкнул:

— Драко, ты и вправду так сильно хочешь в команду?

— Конечно! — он вдруг придвинулся, воодушевившись. — Поможешь мне?

— Попроси декана порекомендовать тебя. Надави на то, что Гарри Поттера тоже рекомендовала Макгонагалл, несмотря на то что он первокурсник. — Я улыбнулся ему. — Гриффиндорцы ведь так ратуют за справедливость, не так ли?

Радость Драко угасла так же быстро, как и вспыхнула:

— Декан не станет этого делать.

Я похлопал его по плечу:

— Ну, в этом вопросе тебе придётся всё же прибегнуть к помощи отца.

В этот момент трибуны взорвались криком. Я перевёл взгляд на поле: Гарри мертвой хваткой вцепился в метлу, которая брыкалась под ним, словно дикий мустанг. Что ж, классическое покушение на героя началось по расписанию. Я быстро просканировал зрительские ряды и заметил двоих, читающих заклинания: Снейпа и Квиррелла. По губам Снейпа было ясно, что он шепчет контрзаклятие, в то время как Квиррелл явно был тем, кто пытался сбросить мальчишку.

Но эта истина была очевидна лишь для меня. Я видел, как Гермиона проскользнула под трибуны и подожгла мантию Снейпа. Что ж, Северус, сам виноват — слишком уж тщательно ты создавал себе образ злодея.

Я прищурился, не сводя глаз с Квиррелла. Кому нужна смерть Гарри Поттера? Ответ был только один — Лорд Волдеморт. Я задумчиво потер подбородок. Основную часть его души я уже поглотил, так какой же из осколков проявил себя здесь? Стоило бы провести расследование. Вообще-то, это работа Дамблдора, но раз крестраж ожил, это может затронуть и меня. Кто знает, не почувствует ли он во мне частицу своей же сути.

Вернувшись в замок, я под благовидным предлогом расстался с Драко и направился на восьмой этаж, к Выручай-комнате. Если уж начинать охоту за крестражами, стоит начать с того, что ближе всего. Трижды пройдя мимо глухой стены, я сосредоточенно думал: «Мне нужно место, где можно спрятать вещь».

Дверь проступила на камне, и я быстро скользнул внутрь. Окинув взглядом горы хлама, я невольно присвистнул:

— Да уж, за столетия здесь скопилось немало барахла.

Завалы были такими огромными, что сразу и не разберешь, где именно Волдеморт оставил диадему Когтевран.

— Ацио, диадема Когтевран! — я применил манящие чары, но результат был предсказуем: заклинание не сработало.

— Ну вот, вечно всё приходится делать самому, — проворчал я, затылком чувствуя масштаб предстоящих раскопок в этом море мусора.

— Ого, череп василиска! Зубки-то какие острые, — я поднял массивную кость, провел пальцем по клыкку и небрежно отшвырнул в сторону. — Уж не тот ли это самый, Салазара Слизерина?

Место и впрямь было уникальным. Здесь хранились вещи с многовековой историей, и добрая половина из них буквально сочилась темной магией. В нынешние времена в магическом мире стало слишком уж спокойно, а здесь концентрация проклятий зашкаливала. Стоило мне сдвинуть стопку ветхих стульев, как я наткнулся на пожелтевшую книгу о нравах и обычаях, от которой исходила такая густая аура тьмы, что она казалась почти осязаемым черным туманом. Почти всё, что лежало здесь дольше пяти веков, несло на себе печать вредоносных чар. Современные же вещи были куда безобиднее — разве что чары против поломки, да пустые бутылки из-под вина.

Наконец, на полусгнившем шкафу я увидел свою цель. Потускневшая, тронутая ржавчиной диадема давно утратила былое величие. При взгляде на неё, трудно было представить, что когда-то она венчала голову самой Ровены Когтевран, символизируя красоту и мудрость. Я наложил несколько диагностических заклинаний. Я не почувствовал присутствия осколка души. Повертев артефакт в руках, я не обнаружил ни единой трещины. Значит, тот кусок души, что сидел в ней, теперь обосновался на затылке Квиррелла.

Вспомнив, что профессор с самого начала учебного года кутался в тюрбан, от которого несло гнилью, я предположил, что диадему нашел кто-то из учеников и передал профессору. Судя по всему, вещь пробыла у студента недолго, иначе смерть от истощения жизненных сил вызвала бы в школе нешуточный переполох.

Я спрятал диадему в расшитый мешочек с чарами незримого расширения. Такая вещица ещё может сослужить мне службу. В комнате и без того царил невообразимый хаос, так что мои поиски остались незамеченными. Квиррелл, вернув диадему на место, вряд ли придет проверять её сохранность, так что я со спокойной совестью забрал трофей. Прихватив ещё несколько любопытных безделушек, я покинул комнату в прекрасном расположении духа.

В спальне меня ждал Драко, горевший желанием поделиться своим «величайшим открытием».

— Я выяснил, что спрятано на четвертом этаже! — он сиял азартом.

Я повесил плащ на вешалку и начал разматывать шарф:

— М-да? Ты всё ещё об этом думаешь? Я же высказал тебе свои догадки не для того, чтобы ты лез в это дело.

— Да ладно тебе! — Драко возмущенно посмотрел на меня, уязвленный моим равнодушием. — Тебе что, совсем неинтересно? Ты же такой умный, раскусил всё в два счета. Для тебя эта загадка — просто детская забава!

Я серьезно посмотрел на него:

— Это не забава, Драко. Всё это чертовски опасно, по крайней мере для тебя. Я категорически против того, чтобы ты лез в эти дебри.

Драко упрямо надулся:

— Но Поттер и его дружки всю копают! Мы уже на голову их опережаем, и я не собираюсь им проигрывать.

Ох уж это детское соперничество... Я вздохнул и присел на кровать:

— Ладно, и что же ты узнал?

Стоило мне сменить гнев на милость, как Драко мгновенно просиял.

— Философский камень.

Я удивленно вскинул бровь:

— Что, прости?

Я догадывался, что на четвертом этаже припрятано нечто ценное, но чтобы Дамблдор рискнул ТАКИМ... это действительно смелый ход.

— Я подслушал разговор Поттера в библиотеке, они упоминали Николаса Фламеля. А когда слышишь это имя, гадать не приходится — речь о Философском камне, — Драко усмехнулся. — Эти тупицы до сих пор в каше варятся! Впрочем, чего ещё ждать: магглорожденная всезнайка, «Спаситель», выросший среди магглов, и предатель крови, который в жизни книги в руки не брал. Откуда им знать о шестисотлетнем мастере алхимии?

Благодаря моему влиянию Драко почти перестал употреблять слово «грязнокровка», разве что в моменты ярости, когда речь заходила о Гермионе. Но и тогда я быстро его осаживал: истинный аристократ не опускается до площадной брани, а оскорбление леди — и вовсе ниже его достоинства.

<http://bllate.org/book/17409/1659982>